

ЮЛИЯ КРАШЕНИННИКОВА

Сектор фольклора Института языка, литературы и истории Коми
НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар

СВАДЕБНЫЕ БАЙКИ ВИЛЕДИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРЯДОВОГО ФОЛЬКЛОРА

В настоящей работе сделаны наблюдения в области изменения текста во времени, затронуты вопросы жанровой диффузии на материале текстов свадебного фольклора в контексте проблемы способности фольклорной традиции к регенерации. Современные экспедиционные материалы демонстрирует весьма неожиданные примеры трансформации поэтического наполнения ритуала, происходящей под воздействием разных причин. Весьма показательны в этом отношении приговоры персонажей свадебного обряда.

Текстологический анализ записей XIX–XXI вв. показывает, что в приговорах содержатся «отсылки» к рождественским песням, заговорно-заклинательной поэзии, сказочной прозе, эпической поэзии, духовным стихам, лирике, причитаниям; отметим включение паремий и таких маргинальных жанров, как предписания, благопожелания, запреты и проч.; очевидно присутствие литературной «составляющей»¹.

¹ Настоящая работа является продолжением наших изысканий в области межжанровой фольклорной и литературной взаимодействия; некоторые результаты см.: Ю.А. Крашенинникова, *Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры — заговоры)*, «Традиционная культура: научный альманах» 2009, № 1, с. 29–39; Она же, *Литературные и лубочные произведения в текстах русского свадебного обряда* // О.В. Белова (ред.), *Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции*, Центр «Сэфер», Москва 2013, с. 247–260; Она же, «Адская газета» в русских свадебных приговорах // В. Žejmo (red.), *Rosja w dialogi kultur*, t. 2, Wydawnictwo Naukowe UMK, Toruń 2015, s. 469–480; Она же, *О случаях и механизмах жанрового взаимодействия в текстах свадебного обряда (на материале приговоров девушек «на свадебное деревце»)*, «Традиционная культура: научный альманах» 2015, № 3, с. 149–163.

Причин такой способности жанра к творческой переработке и использованию фольклорного и литературного репертуара, сюжетов, мотивов, поэтических приемов, образов несколько, в числе которых индивидуальный характер жанра; с одной стороны, аккумулятивное функционирование функций других свадебных персонажей по мере развития обряда, с другой — выделение в некоторых локальных традициях персонажей, которым также «требовалось» поэтическое оформление их действий. Текстологическая близость приговоров, в частности, с речитативно-песенными жанрами свадьбы, наличие общего поэтико-стилистического инвентаря объясняются принадлежностью этих жанров одному обрядовому комплексу.

Объектом нашего внимания послужили тексты, записанные во время экспедиционных работ 1996–2006 гг. в локальной традиции Русского Севера — Вилегодском районе Архангельской области. Первый текст зафиксирован в селянском кусте деревень от нескольких информантов, которые были связаны (будучи родственниками или соседями) с местным жителем Прокопием Михайловичем Тропниковым (год рождения предположительно конец XIX в.)². В народной терминологии текст номинирован *байка про табачок, молитва, проповедь*. По свидетельствам информантов, текст мог исполняться окказионально, в качестве развлекательного, так и в свадебном обряде:

сидився на скачок, закуривал табачок, Богу травку Христов корешок. Бога [в]споминал, Христа величал, богату богатину проклинал. Богату богатину с чаем и медом, и мать ее е..м. Богатый удивляется, откуда бедняк деньгами отживаетеся. Не мою ли он дочку е..т, не она ли ему на табак денёг дает? Табак хин, табак корень, табак ни в п...у не годен. Слушайте, послушайте, молодых баб на улицы не отпушайте. Вы будете отпушать, мы будем подчищать.

Все. [П.М. Тропников это рассказывал на свадьбах?] Рассказывал, и на свадьбах рассказывал. Че, ведь у нас деревенские все, дак смеются только³.

Текст скабресный (в местной терминологии — «с картинками»), насыщен обсценной лексикой. Возможность его включе-

² Варианты (разного объема от упоминания нескольких строк до полного текста) записаны в 1996, 2004, 2006 гг. в населенных пунктах Селянского с/с от уроженцев д. Фоминская (фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, далее ИЯЛИ: АФ 1705–5, 6; АФ 1706–72, 73, 80; ВФ 1714–4, ВФ 1716–12, 13, 23, 24).

³ Зап. Ю.А. Крашенинникова 14.08.2006 г. от Тропникова А.М., 1937 г.р., д. Фоминская Вилегодского р-на Архангельской обл.

ния в репертуар свадебных дружек подтверждается комментариями исполнителей; принадлежность мужскому репертуару — различиями мужского и женского исполнения: в частности, мужчины при исполнении употребляют «сексуальные лексемы с прямым называнием»⁴, в «женских» вариантах отсутствует инвективная лексика и «потенция» на возможную ее «замену»⁵.

Композиционно текст состоит из нескольких частей, первые две части связаны образами рассказчика и «богатой богатыни», третья содержит назидание присутствующим. В каждой части имеются фрагменты, содержательно близкие с фольклорными текстами других жанров. Так, образ табачка — «божьей христовой травки», «христова корешка» — встречается в приговорах «при нюхании табаку», закличках торговцев табаком⁶. Идея божественности «христовой травки» — курительного табака «проговаривается» в легенде о создании мира Богом и отдельных объектов сатаной, записанной в Череповецком у. Новгородской губ.:

Диавол насеял сперва курительного табаку. Когда табак вырос, диавол созвал мужиков и дал им покурить. Те покурили и все закашлили. «Нет, это не по мне», — говорит нечистый, и насеял табаку нюхательного. Когда табак вырос, он опять созвал мужиков и дал им понюхать. Те понюхали и зачихали. Диавол захохотал и запрягал от удовольствия: «Это я люблю! Это я люблю!» Вот почему и говорят: «Кто курит табачок, тот Христов муж и чок [выделено нами — Ю.К.]; а кто нюхает табак, тот хуже всяких собак»⁷.

Лаконичная характеристика табака «Табак хин, табак корень...» в записях от других вилегодских информантов повто-

⁴ В.В. Варганова, *Сексуальное в свадебном обряде* // А.Л. Топорков (сост.), *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки*, Ладомир, Москва 1995, с. 154.

⁵ Подробней см.: Ю.А. Крашенинникова, *Русские свадебные приговоры: несколько замечаний о специфике бытования обрядового текста в необрядовой ситуации*, «Studia Rossica Posnaniensia» 2016, vol. XLI, с. 143–144, сн. 23.

⁶ См.: Архив Российской Академии наук (СПб-филиал), ф.104, оп. 1, ед. хр. 825, л. 6об.; П.С. Ефименко, *Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии*, «Труды Этнографического отдела Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Моск. ун-те» 1878, кн. 5, вып. 2, с. 253.

⁷ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева*, т. 7, ч. 2, Санкт-Петербург 2009, с. 183 (зап. В.А. Антиповым в 1898–1900 гг.).

ряется без вариантов, за исключением пары *корень/горень*, которая демонстрирует, скорее, индивидуальные особенности восприятия и запоминания текста исполнителем. Собственно, значение второго члена этой пары объясняется информантом, комментирующим, что речь идет о хине — лекарственном средстве с горьким вкусом («[Что такое хин?] Хина. Хина, горькая ведь хина. Теперь но-шпа, а раньше была хина. [Это лекарство?]. Да. [...] табак, вишь, хин — горький, а хина раньше горькая ведь была»⁸), т.е. возможно, *гОрень* > от *горький*.

В архивных записях из Вологодской губернии, датированных второй половиной XIX в., мы обнаружили варианты к нашему тексту:

— приговор читался «краснобаем со стороны публики» накануне венчания, когда жених приходил к невесте, и ее выводили «на смотры», и был предназначен для получения угощения от тысяцкого⁹;

— приговор дружки произносился на «княжем пире», после первой брачной ночи, декламирование завершалось угощением табаком всех присутствующих¹⁰;

— приговор дружки произносился, «как только он входит» в избу¹¹;

— в присказке, при этом произносивший ее «подчивал на сиденке гостей»¹².

Объединяет все записи зачинная часть, в которой рассказчик повествует о себе и «богатой богатине»: голый голячок (вар.: доброй молодец, мужичок, старый старичок) садится на *кочок* (вар.: *кочь*, *точок*)¹³, нюхает табачок (вар.: «испивает божью травку христов корешок», «испивает божью травку табачок», «нюхает табачек, божью травку, Христов корешок»), «Бога хвалит, Христа величает, богату богатыню ругает/проклинает».

⁸ Зап. Ю.А. Крашенинниковой 14.08.2006 г. от Н.П. Тропниковой, 1932 г.р., д. Фоминская Вилегодского р-на Архангельской обл.

⁹ Архив Русского географического общества (далее РГО), р.7, оп.1, ед. хр.78, л.287–288 (зап. в 1890-е гг. В Вельском у.), ниже место и время записи не указываем.

¹⁰ Архив РГО, Р.7, оп.1, ед. хр.73, л.39–39 об. (зап. до 1849 г. в Никольском у.).

¹¹ *Русские крестьяне...* Санкт-Петербург 2007, т. 5, ч. 3, с. 173 (зап. в 1898 г. в Никольском у.).

¹² Архив РГО, р.7, оп.1, ед.хр. 42, л.6об.-7. Опубл.: Д.К. Зеленин, *Описание рукописей ученого архива Императорского географического общества*, Петроград 1914, вып. 1, с. 228 (зап. в Сольвычегодском у., год записи не указан).

¹³ Вероятно, кочка — Ю.К.

Еще один фрагмент вилегодского текста, имеющий близкие варианты в одной из ранних записей из Вельского уезда, это рассуждения богача об источнике дохода бедняка: «[...] откуда бедняк деньгами отживаете. Не мою ли он дочку е..т, не она ли ему на табак денёг дает?». В вилегодском тексте этот фрагмент не получает дальнейшего развития, в отличие от вельского, в котором упоминание богачом жены сына («разве с моей снохой живет, так она ему деньги и дает?») распространяется ее комично-ироничной характеристикой: «А у богатой богатыни сноха была делова: пирожки творила на дрожжах, в печь садила на возжах, и вынимала своих рук дело: сверху загорело, снизу подопрело, отрушит¹⁴, как осёлка откусит, ровно бы гребенка, а сожмет, то тетерка, на окошко посадит, а она и не летит...»¹⁵, отсылающей к корильным свадебным песням, адресованным невесте¹⁶, и отчасти к свадебным указам¹⁷.

Отметим разночтения с вилегодским текстом. В ранних записях свадебных приговоров образ богача получает более детальное описание: подчеркивается его достаток («у него много пива, вина, сладкого меда»), жадность («Он нашево брата не напоил, не накормил, спать не укладывает, по утру пути-дорожки не указывает»¹⁸; «Он про нас, про бурлак, бани не топит,ужиной не кормит»¹⁹; «я садился и просился ноцевать, он меня не пустил; попросил я табачку с наполочку, он и тут

¹⁴ Отрушить — отрезать (прим. писца: Архив РГО, р.7, оп. 1, ед. хр. 78, л. 288).

¹⁵ Архив РГО, р.7, оп. 1, ед. хр. 78, л. 288.

¹⁶ См. корильную песню, построенную в форме диалога двух сторон — начинали петь представительницы невесты после того, «как ее высватают»: «Болосе урода со двора сволокли, // И не пряха, не ткаха, // Не шелковица, не полушелковица, // Не по воду ходяга, // Не штей варя, // Не хлеб печья: // Посадит она коврижки, // А вымет покрывки, // На стол принесет — // Не поклонится, переломится! [А другие (сторона жениха — Ю. К.) опять отпевают]: «Станем учить-переучивати, // Будет ткаха и пряха, // И шелковица, и полушелковица, // И по воду ходяга, // И штей варя, // И хлеб печья: // Посадит она покрывки, // А вынет коврижки. // На стол принесет — // Поклонится, не переломится» (ИЯЛИ: ВФ 1529-4. зап. Ю.А. Крашенинникова 26.05.2004 г. от З.П. Помысовой, 1909 г.р., д. Козловская Прилузского р-на Республики Коми).

¹⁷ Е.Э. Бломквист, *Свадебные указы Ростовского уезда (к вопросу об отражении сюжетов лубочных картинок в современном крестьянском быту)* // Ю. Соколов (ред.), *Художественный фольклор*, Государственная академия художественных наук, Москва 1927, вып. II–III, с. 109.

¹⁸ Архив РГО, р.7, оп.1, ед. хр. 78, л. 287–288.

¹⁹ Архив РГО, р.7, оп. 1, ед. хр. 73, л. 39.

отказал»²⁰). В заключение следует фрагмент, состоящий из двух заклинательных компонентов императивной формы — пожелание ущерба и убытка «богатой богатине»:

дай тебе Господи, три беды бы тебе, три беды да три поля лебеды, ишшо бы тебе беды молода жона скреблася, дай тебе Господи три гвоздя в бочку, да три х... в дочку, а и будет у ее мужнин, то тот бы плохой²¹;

за тоби ему одна корова коростовата и малохвостовата; и носили бы телят белых да гладких, а хвосты в грядки, телят ему обдирать да анбары покрывать, в анбарах-то расколотаго зерна не видать²².

и пожелание достатка, зажиточности, благосостояния бедняку: «дай тебе Господи, 300 коров бы, да чотыреста быков»²³, «А голенькому, благодатненькому — сто бы быков, пятьдесят меринов, на речку бы шли да помыкивали, а с речки шли, поигрывали, сдеря хвосты на свои хребты»²⁴.

Последняя цитата обнаруживает прямые аналогии с рождественскими обрядовыми песнями, в которых одной из центральных является тема «дай бог богатство» с пожеланием достатка и благополучия²⁵. Содержательную близость с колядками обнаруживают и фрагменты, в которых выражается угроза-заклятие «богатой богатине» за жадность: как отмечает Владимир Чичеров, «требование, перерастающее в угрозу навлечь беду, — частое явление в великорусских колядках»²⁶.

В анализируемых приговорах соблюдается и формальный признак, свойственный колядкам: в них формула пожелания завершает все величание, тем самым приобретая особый смысл, поскольку действие заклęcia распространяется «на весь вновь начинаемый период времени (ср. магию «первого дня»)»²⁷.

²⁰ *Русские крестьяне...* 2007, т. 5, ч. 3, с. 173.

²¹ Там же.

²² Архив РГО, р. 7, оп. 1, ед. хр. 73, л. 39–39об.

²³ *Русские крестьяне...* 2007, т. 5, ч. 3, с. 173.

²⁴ Архив РГО, р.7, оп.1, ед. хр. 73, л. 39об.

²⁵ Ср. с колядкой: «Дак дай ему бог // Полтораста коров, // Девяносто быков. // Они на реку идут, // Все помыкивают, // А с реки-то идут, // Все поигрывают!» (зап. в июле 1944 г. О.А. Ганской, В.И. Чичеровым от А.И. Поляковой, 93-х лет, Звенигородский р-н), опубл.: В.И. Чичеров, *Зимний период русско-го земледельческого календаря XVI–XIX веков (очерки по истории народных верований)*. Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, т. 40, Издательство Академии наук СССР, Москва 1957, с. 127.

²⁶ В.И. Чичеров, *Зимний период...*, с. 126.

²⁷ Там же, с. 124.

К заключительным строкам вилегодской байки — «назиданию» — «Слушайте, послушайте, молодых баб на улицы не отпущайте. Вы будете отпущать, мы будем подчищать» — варианты обнаруживаются в записях из Вятской²⁸, Вологодской губ.²⁹ и пинежских свадебных приговорах с «крюком», которые читались во время приезда жениха за невестой³⁰ или после того, как «молодицу переоденут, [...] до каши»³¹. В некоторых из них назидание распространяется эксплицитным или иносказательным описанием совокупления, например: «На улице ходит дубинка, / Набивает брюшко мякинкой, / А потом, смотришь, / Родится детинка»³²; «Нынче времена гулящи, / Нынче времена пьяны, / У них х... упрямы. / Где сгребут, там и е...т»³³.

Второй текст, согласно комментарию информанта, исполнялся дружками на свадьбе для увеселения гостей. Использование дружками в обряде иных фольклорных жанров подтверждается материалами других собирателей. В частности, Валентин Серебренников опубликовал записанный от крестьянина с. Пихтовка Оханского у. Пермской губ. былинный текст о Кострюке, который дружка наговаривал для развлечения гостей, «если невесту долго не выводят из-за занавесы»³⁴ и др.

Текст состоит из нескольких частей. Ряд комических ситуаций, обыгрывающихся в вилегодском тексте, отсылает к жанру небылицы. Первая часть содержит описание многочисленных попыток шести братьев вырастить пшеницу:

[Жили-были] 6 братьев, братья Агафон[ы], <нрзб.> такие же, как и я. Батюшка-то был у нас Тарас, а матушку-то я и забыл, как звали, дак чем

²⁸ Д.К. Зеленин, *Из свадебных обрядов Вятской губернии (Сарапульский уезд, с. Мостовá)*, «Вятские губернские ведомости» 1899, № 90, с. 3.

²⁹ Н.Г. Ордин, *Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда*, «Живая старина» 1896, вып. 1, с. 94.

³⁰ П.С. Ефименко, *Материалы по этнографии русского населения...*, 1877, кн. 5, вып. 1, с. 83.

³¹ Архив кафедры фольклора МГУ (далее: АКФ МГУ): ФЭ–08:7758, также: ФЭ–08:7921.

³² Д.К. Зеленин, *Из свадебных обрядов...*, с. 3.

³³ АКФ МГУ: ФЭ–08:7758. Зап. Н.И. Савушкина в 1971 г. от М.А. Чарносовой, 1910 г.р., д. Чешигора Пинежского р-на Архангельской обл.

³⁴ В. Н. Серебренников, *Свадебные обычаи и песни крестьян Андреевской волости Оханского уезда Пермской губернии (со вступительной статьей А.Д. Городцова и 8-ю стр. нот) // Материалы по изучению Пермского края*, вып. IV, Электро-тип. «Труд», Пермь 1911, с. 67–68.

нам и знать, как звали, пусть будет хоть Маланья. Верно? Вот пришла весна. Люди-то поехали пахать, а мы, шесть братьев, руками махать. Пришла пора жать, а мы, шесть братьев, в бороздах лежать. Вот так мы. Пришла зима, надо кушать, у нас нечего. А я-то брат был меньшей, а разумом-то большой был. Я говорю: «Братья, надо нам тоже че-то посеять». Посеяли пшеницу, уродилась добрая, собрали. Копна от копны, что от Казани до Москвы. Ну чего, опять ничего нет у нас. Опять шесть братьев горевать. Зимой, значит. Я говорю: «Ребята, посеемте на печку, говорю, глинка хорошая, должно уродиться-то». Посеяли на печку мы пшеницу. Уродилась добрая-предобрая, на колосок от стола. А батюшка у нас заботливый был. Утром рано встанет, да весь день у окошка и просидит. Вот. А стекла тоже были рамы-то ломаные. Мороз был. Батюшка вздремнул, а мороз не стал дожидаться, добрался до пшеницы и ее и заморозил. Вот все и братья опять горевать: куда как пшеницу бы убрать. Я говорю: «Везите, братья, косы-то. Мы, шесть братьев, до завтра бы окосили эту пшеницу-ту». Куда опять девать ее? Я говорю: «Дак на стожар к печному столбу один воткнуть, дак мы тут ее да и свалим». Вот так и сделали. Живем, поживаем, ничего не замечаем. А у нас в пшенице завелась крыса уже. Кошка бегала, бегала, нюхала, нюхала, разбежалась, да как лбом тюк в омет-от, а между глаз лохань попала. А изба-то была пола. Лошадь у нас была голодная, наверно. В избу зашла, давай-ка этот омет ести. Ела-поела, да весь и съела. Да такое у нее большое брюхо стало: из избы-то погнали ее, она в дверях-то и застряла у нас. И давай-ка скакать, да на себе избу таскать. Я толкнул, вытолкнул ее. Сел на нее и поехал...³⁵

Во второй части реализуется тема приобретения персонажем, от имени которого ведется повествование, ружья и обогащения за счет продажи убитой дичи; она также имеет содержательные «переключки» с жанром небылиц (СУС 1890 «Ружье стреляет нечаянно»):

А угором-то стоит мужик у завальницы с ружьем, продает ружье. Я говорю: «Продашь». Хоть пятьдесят копеек заплатил, а все-таки ружье купил. Ну, вот поехал на охоту в бор-от. Еду в бору-то, вижу: глухарь сидит на сосне. Я с лошади причаился, а смотрю: без пистона ружье-то купил. Оно ведь не выстрелит. Сам думаю: если в город ехать обратно за пистоном, поди, глухарь-то не дождет, улетит. Думал-думал, а лошадь-то испугалась дак как прыснула да оглоблей о сосну тюкнула. У меня сразу искорки из

³⁵ ИЯЛИ: АФ 1705–62. Зап. Ю.А. Крашенинниковой путем перезаписи с аудиокассеты 5.07.96 г. Запись сделана от И.П. Харитонова, 1905–1991 гг., д. Новораспаханная Вилегодского р-на Архангельской обл. Вар. С небылицами см.: А.Ф. Некрылова, *Круглый год. Русский земледельческий календарь*, Издательство «Правда», Москва 1991, с. 233–234; также: Л.Г. Баран, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков (ред.), *Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка*, Издательство «Наука», Ленинград 1979 (далее: СУС): 1930А*=АА *1930 I — Богатые люди и др.

глаз-от полетели. Одна искорка упала, да в аккурат-от в ружье-то и попала, ружье-то и выстрелило. Значит, глухарь-то упал, да на зайца попал. Да столько мне-то дичи набил. Я сразу в город поехал с обозом. Там продавал, покупал да продавал, да на сто рублей дичи-то сдавал...³⁶.

В третьей, финальной, части центральным в контексте темы «женитьба главного персонажа» является описание молодки-невесты:

Приехал, эго, куда же эту бѣзду денег я деваю. Неженатый был, я и буду жениться. Вот подобрал себе молодку хорошую, ни в сказке сказать, ни пером описать. Значит, по улице пойдет, и всю пыль подолом наметет, маленькие ребята и те поленья в нее бросают. Она это подбирает, да все домой носит. Вот, товарищи, теперь живу я без кручины, не надо покупать ни дров, ни лучины. И все, готово дело³⁷.

Включение текста в свадебный обряд объясняется наличием в финальной части текста темы «женитьба молодца», которая в повествовании лишь обозначена. На первый план выступает характеристика невесты, которая по мере разворачивания приобретает пародийный характер. Зачином характеристики является фрагмент «Вот подобрал себе молодку хорошую, ни в сказке сказать, ни пером описать», который аккумулирует в себе народные представления о физических данных, внешности и внутренних качествах молодки. Так, посредством сочетания *хорошая молодка* подчеркиваются молодость, физическое здоровье, готовность к замужеству, фертильность невесты³⁸. Усиливает эту характеристику формула «ни в сказке сказать, ни пером описать», которая, в частности, в волшебной сказке подчеркивает

³⁶ ИЯЛИ: АФ 1705–62.

³⁷ Там же.

³⁸ См.: *молодица, молодка* — «...молодая, новобрачная; *молодица*: до первой беременности (*тамб. твер. яросл.*); принеся в первых родах мальчика (*вост.*)» (В. И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка в четырех томах*, т. 2, Москва 1995, с. 333). *Хороший* концентрирует в себе представления о физических данных, внешности и внутренних качествах персонажа (*хороший* — 1. лепый, красный, прекрасный, красивый, красовитый, басистый, баской, видный, взрачный, казистый, приглядный, пригожий, статный, нравный на вид, по наружности; 2. добрый или путный, ладный, способный, добротный, ценимый по внутренним качествам, полезным свойствам, достоинству...)» (В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. 4, с. 561–562). Кроме того, в вологодском диалекте *хорош* и *хóрош*, *хорошиха* употребляется в значении «любовник, любовница» (Там же, с. 562), т.е. эпитет *хороший* выступает в качестве характеристики сексуальной силы.

СВАДЕБНЫЕ БАЙКИ...

идею физической и духовной красоты, социального благополучия девушки. Формула получает неожиданное продолжение лаконичной комично-ироничной характеристикой хозяйственных качеств «хорошей молодки»: она подолом подметает пыль (отсылает к мотивам пьянства и имплицитно порчи³⁹), не принята в местный крестьянский круг (даже дети бросают в нее поленья), возможно, нищая, поскольку подбирает поленья и «да все домой носит».

Таким образом, создатели вилегодских свадебных приговоров, ориентируясь на круг тем, актуализация которых обусловлена обрядовой ситуацией, обращались к сказочной прозе, корильным свадебным песням, колядкам, малым жанрам, демонстрируя способность жанра приговоров к усвоению и использованию различных фольклорных источников.

Работа выполнена в рамках
проекта РФФИ (№ 18-012-00202а)

Julia Kraszeninnikowa

WESELNE BAJKI Z REJONU WILEGODZKIEGO W OBWODZIE
ARCHANGIELSKIM W KONTEKŚCIE KULTURY ŚMIECHU
I FOLKLORU OBRZĘDOWEGO

Streszczenie

W artykule poczyniono obserwacje na temat zmian tekstowych w czasie, zostały poruszone problemy dyfuzji międzygatunkowej na materiale tekstów folkloru weselnego, które rozpatrzono w kontekście zagadnienia regeneracji tradycji ludowej. W charakterze materiału egzemplifikacyjnego wykorzystano folklor weselny zapisany na początku XXI w. w czasie badań terenowych na obszarze Obwodu Archangielskiego (rejon wilegodzki). Analiza tekstów prowadzi do wniosku, że oracje weselne wykazują otwartość wobec różnych źródeł tradycji ludowej pod warunkiem istnienia między nimi bliskości tematycznej.

³⁹ Мотив «подметать пыль подолом» обнаруживает объяснение в приметах: «Если у девки часто подол мокрый или в грязи, то муж будет пьяница» (В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. 3, с. 192). Любопытна примета, связанная с нанесением женщиной порчи через подол: «Если женщина заденет своим подолом спящего человека, то последний оплешивеет» (Архив РЭМ, ф. 7, оп. 1, д. 2207, л. 1. Зап. в Пошехонском у. Ярославской губ. А. Баловым в 1897–1900 гг.).

Yulia Krashennnikova

WEDDING FABLES OF THE VILEGODSKY DISTRICT
OF THE ARKHANGELSK REGION IN THE CONTEXT
OF HUMOROUS CULTURE AND CEREMONIAL FOLKLORE

Summary

In the article the author makes observations of changes over time in folklore text, touches the questions of genre diffusion on the material of wedding folklore in the context of a problem of regeneration of folklore tradition. The analysis of the texts noted at the beginning of 21st century in Vilegodsky district of the Arkhangelsk region has allowed the author to draw a conclusion about ability of genre of wedding speeches to the using of various folklore sources on the condition that the typical for wedding ceremony topics are fulfilled with them.